

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-114-120
УДК 94(470)1150/15

Дьяческий аппарат Великого княжества Рязанского

Иван Алексеевич КИРПИЧНИКОВ

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0965-9541>, e-mail: ivkirs@mail.ru

Clerk apparatus of the Grand Duchy of Ryazan

Ivan A. KIRPICHNIKOV

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0965-9541>, e-mail: ivkirs@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено дьячеству Великого княжества Рязанского – социальной группе, которая до сих пор не становилась предметом специального изучения. Доказан тезис о том, что для рязанского аппарата управления характерна траектория эволюции, которая ранее была выявлена историками на материалах московской канцелярии. Показана тенденция к возрастанию роли дьяков в делопроизводстве, нашедшая отражение в развитии на протяжении второй половины XV – начала XVI века практики заверки документов. Сделаны наблюдения относительно участия дьяков в процедуре доклада, который нуждается в дальнейшем сравнительном изучении. Отмечено, что дьяки присутствовали также в рязанских уделах. Проанализирован персональный и социальный состав рязанского дьячества, и выдвинуто предположение, что дьяки были лично свободными людьми, тяготевшими к наследственности своих занятий. Констатирована немногочисленность административного аппарата княжества, в условиях которой одновременно могли действовать не более трех–четырёх дьяков. Продемонстрировано, что смена рязанских правителей не отражалась на составе великокняжеской канцелярии. Поставлен вопрос о том, была ли такая эволюция дьяческого аппарата результатом московского влияния, а также предложены сравнительные контексты из истории других русских княжеств.

Ключевые слова: бюрократия; дьяки; Великое княжество Рязанское; Московское государство; средневековая Русь

Для цитирования: *Кирпичников И.А.* Дьяческий аппарат Великого княжества Рязанского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 184. С. 114-120. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-114-120

Abstract. The study is devoted to the clergy of the Grand Duchy of Ryazan – a social group that has not been the subject of special study until now. The thesis is proved that the Ryazan administrative apparatus is characterized by the trajectory of evolution, which was previously revealed by historians on the materials of the Moscow chancellery. We show the growing importance of clerks in paperwork that was reflected in the development of the documents certification practice during the second half of the 15th – early of 16th century. Observations were made regarding the participation of clerks in the report procedure, which needs further comparative study. It is noted that there were also clerks in the Ryazan counties. We analyze the personal and social composition of the Ryazan clergy and make assumption that clerks were personally free people who could be tied to their occupations on a hereditary basis. The small number of the administrative apparatus of the duchy was ascertained, under the conditions of which no more than three or four clerks could act simultaneously. It is demonstrated that the change of Ryazan Grand Dukes did not reflect on the personal composition of the grand chancellery. The question is raised on whether such evolution of the clerks' apparatus was the result of Moscow's influence, and comparative contexts from the history of other Russian duchies are proposed.

Keywords: bureaucracy; clerks; Grand Duchy of Ryazan; Muscovite state; medieval Rus

For citation: Kirpichnikov I.A. D'yacheskiy apparat Velikogo knyazhestva Ryazanskogo [Clerk apparatus of the Grand Duchy of Ryazan]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 184, pp. 114-120. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-114-120 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В новейшей историографии средневековой Руси заметно увеличился интерес к теме формирования аппарата управления. Важной вехой в изучении данной проблематики стала классическая монография Ю.Г. Алексеева [1], а из недавних работ следует выделить фундаментальное диссертационное исследование А.Ю. Савосичева [2]. Главное внимание традиционно уделяется московским великокняжеским (затем – царским) дьякам и подьячим; существенные наблюдения сделаны также по поводу администрации, действовавшей в уделах московского княжеского дома [2–7]. Остальные территории остаются вне поля зрения специалистов – причиной тому как неоднократно отмеченная «москвоцентричность» историографии, так и объективная ограниченность доступного источникового материала [8, с. 5]. Между тем изучение аппарата управления независимых княжеств позволит пролить свет на общее и особенное в тенденциях эволюции политического устройства русских земель – и, в частности, прояснить вопрос о том, была ли «московская» траектория развития уникальной.

Настоящая статья посвящена рязанскому дьячеству. Великое княжество Рязанское представляет особый интерес для изучения, поскольку дольше других сохраняло независимый статус. Благодаря усилиям нескольких поколений исследователей выявлено более сотни рязанских актов XIV – начала XVI века, и этот материал, как представляется, до сих пор не в полной мере оценен специалистами [9–15]. В частности, рязанские дьяки, которые фигурируют в почти четырех десятках грамот, упоминаются в историографии только косвенно, в связи с родословными изысканиями [16; 17]. Персональный состав дьячества XV–XVI веков стремились выявить А.А. Зимин [5, с. 227, 228, 233, 252, 258, 260, 270, 275] и С.Б. Веселовский [18, с. 42, 81, 136, 368, 389, 405, 479, 538, 596], однако перечни свидетельств о рязанских дьяках, приведенные в этих работах, нуждаются сегодня в существенных дополнениях.

Ю.Г. Алексеев показал, что для истории великокняжеской канцелярии большое зна-

чение имеет изучение системы заверки документов. Он убедительно продемонстрировал важную перемену, произошедшую в Москве к середине XV века: на великокняжеских актах исчезли боярские и начали появляться дьяческие подписи [1, с. 67-79, 176-177; 19, с. 341-342]. Рязанская практика, по видимому, с самого начала отличалась от московской тем, как фиксировалась роль бояр. Ни в одном рязанском акте не встречается боярской заверки документов в форме, характерной для московских актов. Как констатировал С.М. Каштанов, бояре и высшие должностные лица рязанского великокняжеского двора не подписывали жалованные грамоты, а фигурировали в основном тексте в качестве «посредников». Самая ранняя грамота с «посреднической» формулой встречается уже в конце XIV века, а наиболее поздняя – накануне ликвидации самостоятельности княжества [20, с. 289-302].

Рязанский актовый материал сохранился в основном в позднейших списках, однако они воспроизводят различие между составлением грамоты («писал дьяк имярек») и заверкой («подписал дьяк имярек», «у подлинной грамоте назаде пишет: дьяк имярек»). Если для времени Ивана Федоровича (1427–1456) существуют лишь первые указания на составление дьяками документов [9; 12], то уже при Василии Ивановиче (1456–1483) встречается дьяческая заверка [9; 10]. Несмотря на некоторую непоследовательность в формуляре (или искажения при его копировании)¹, рязанские грамоты второй половины XV – начала XVI века ясно демонстрируют тенденцию к возрастанию роли дьяков. В последние десятилетия самостоятельности княжества они систематически заверяли самые разнообразные акты, которые ранее не требовали дьяческой подписи, в том числе – жалованные грамоты (при этом в них сохранялась традиционная «посредническая» статья, где фигурировали бояре) [9, с. 372, 382-

¹ Из трех рязанских правых грамот XV века одна заверена дьяком [9, с. 386], а три (в том числе две более поздние по времени) – составлены [9, с. 381; 12, с. 69; 13, с. 301].

384, 388, 400-401; 11, с. 89]. С другой стороны, перестала упоминаться роль дьяков как составителей документов².

Особый интерес в связи с дьяческой за-веркой грамот представляют заемные кабалы, оформленные с доклада боярам. Самая ранняя из них, датируемая 1486/87 г., содержит указание на ее составление («писал») великокняжеским дьяком [9, с. 381]. За дальнейший период известно еще 16 докладных кабал, и все они заверены («подписал») дьяками [9, с. 374-375, 389, 390-391, 393, 395-400].

Институт доклада обычно обсуждается в историографии в связи с судебной процедурой или феноменом так называемого «докладного» холопства, однако в Рязанском княжестве он распространялся на куда более широкий круг актов. Этот факт пока не получил должного осмысления в историографии, хотя еще в начале 1920-х гг. на него обратил внимание С.Н. Валк [21, с. 124-129], а впоследствии – Е.И. Колычева [22, с. 58-63; 23, с. 23-29]. Представляется, что институт доклада нуждается в изучении с привлечением сравнительных данных по разным землям³, что позволило бы по-новому взглянуть на его происхождение и функции.

На материале рязанских докладных кабал можно говорить о существовании «комиссий», состоявших из одного боярина⁴ и одного дьяка. Как и в Московском княжестве [1, с. 121], не удастся выявить какой-либо закономерности в сочетании бояр и дьяков в рамках этих «комиссий». Например, дьяк Михайло Язвец Мелентьев в 1518/19 г. подписывал докладные кабалы двух бояр: Ф.И. Сунбула и М.Д. Кобякова [9, с. 395, 400]. Схожие «комиссии» фиксируются при отводе земель, и здесь также не наблюдается служебной связи бояр и дьяков: великокняжеский дьяк Федор Матвеев в январе 1505 г. участвовал в отводе земель вместе с

² Примечательно, что в актах удельного князя Федора Ивановича сохраняются указания на дьяков-составителей [9, с. 349, 361; 13, с. 305], в то время как в великом княжестве они исчезают. В Московском княжестве это произошло при Василии II [7, с. 141-142].

³ Ценный сравнительный материал может дать Белозерское княжество, где доклад известен для различных актов и в более ранний период [3, с. 40-42, 66; 23, с. 25].

⁴ Лишь в одном случае доклад принимали двое бояр [9, с. 393].

Ф.И. Сунбулом, а в конце следующего года – с боярином Василием Селивановичем [9, с. 37-372]. От последнего мероприятия дошла подлинная данная и отводная грамота. Дьяк фигурирует в ее основном тексте («на отводе земли был боярин наш Василей Селиванович, да с ним дьяк наш Федоръ Матфеев») и, кроме того, поставил подпись на обороте [9, с. 372].

Какова была численность рязанской великокняжеской канцелярии? За весь исследуемый период – со второй четверти XV века до конца самостоятельности княжества – известны имена 14 великокняжеских дьяков. За время правления Ивана Федоровича упоминаются двое дьяков (Федор Кокорев, Власей Перепечин), Василия Ивановича – трое (Алексей Федоров сын Кокорев, Федор Кудимов, Тимофей Осеев), Ивана Васильевича – пятеро (Прокофий Деев, Семен Захарьин, Андрей Ярец Никитин, Тимофей Осеев, Федор Фаустов), Анны – двое (Михаил Язвец Мелентьев, Тимофей Осеев), Аграфены – четверо (Яков Григорьев, Федор Матвеев, Михаил Язвец Мелентьев, Андрей Федоров сын Слунин), Ивана Ивановича – трое (Андрей Сушка Васильев, Михаил Язвец Мелентьев, Андрей Федоров сын Слунин). В последнем случае можно с уверенностью утверждать, что все три дьяка осуществляли свою деятельность одновременно. Следует отметить, что в сохранившихся рязанских актах не фигурируют подьячие. Как показал А.Ю. Савосичев, в Московском княжестве они начинают упоминаться существенно позже дьяков [2, с. 89].

Дьяки действовали не только при князьях, занимавших рязанский великокняжеский стол, но и в уделах. Известен дьяк великой княгини Анны в 1491 г., когда великим князем являлся Иван Васильевич – Юрий [9, с. 382]. Вероятно, указание одного только имени маркирует его низкий социальный статус. Кроме того, в нескольких актах конца XV – начала XVI века можно найти дьяка князя Федора Васильевича (Третнего) (1483–1503) – Семена Иванова сына Баранова [9, с. 349, 361; 13, с. 305].

Относительно социального портрета рязанских дьяков могут быть сделаны лишь отдельные наблюдения⁵. Прежде всего, нет

⁵ М.Е. Бычкова полагала, что рязанского дьяка Андрея Ярца Никитина можно отождествить с Ярцом

оснований предполагать в них людей несвободного статуса. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из великокняжеских дьяков (Алексей Федоров сын Кокорев, Андрей Федоров сын Слунин) писались «тремя именами», а у большинства остальных указывались отчества. Случай Федора Кокорева показывает, что дьяческая служба могла становиться наследственной. Он известен как великокняжеский дьяк, писавший жалованную грамоту великого князя Ивана Федоровича. В том же документе фигурирует его сын – Осейка (Алексей) Федоров сын Кокорева – «сборщик пищево» [12, с. 66, 68]. В дальнейшем Алексей Кокорев упоминается сначала при наместниках (в период малолетства рязанского князя), а затем – в качестве дьяка великого князя Василия Ивановича [9, с. 386; 12, с. 69]⁶.

Проследить судьбу рязанского дьяка после ликвидации самостоятельности княжества удалось пока лишь в одном случае. Михайло Язвец Мелентьев, впервые упомянутый при великой княгине Анне, в 1524 г. был вторым судьей по делу рязанского Ольгова монастыря [14, с. 88-95; 15, с. 274]⁷. Иван Федорович Язвцов – видимо, его потомок – фигурирует в Дворовой тетради по Рязани⁸ [17, с. 73]; в начале XVII века один из представителей рода попал в число выборных

Апраксиным – представителем известного рязанского рода [16, с. 181-182]. Вероятно, это мнение основано на недоразумении. В 1495 г. Ярец Апраксин писал купчую во Владимирском уезде, но эту купчую приняли за рязанский акт, а Ярца Апраксина – за рязанского дьяка (см., напр.: [24, с. 90]). Между тем, Ярец Апраксин – это Ерофей Матвеевич Апраксин по прозвищу Ярец, упомянутый в родословной росписи (РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241а. Л. 171). Он перешел на московскую службу с отцом и братьями и по рязанским актам не известен. «Ярец» – распространенное прозвище [25, с. 381].

⁶ С 1472/73 г. в актах появляется Тимофей Осеев сын – возможно, сын Алексея и внук Федора Кокорева [10, с. 93]. Также можно предположить вслед за А.А. Зиминым, что Андрей Федоров сын Слунин являлся сыном Федора Матвеева [5, с. 270]. Существенным аргументом в пользу этой версии служит то, что Андрей Федоров сын Слунин начал упоминаться в источниках практически сразу после исчезновения из актов Федора Матвеева [9, с. 370, 372, 391, 395].

⁷ В необычной грамоте, извлеченной из копийной книги, упоминается «боярыня Язвицева» – впрочем, с явно неверной датировкой этого известия [13, с. 303].

⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Москва; Ленинград, 1950. С. 168.

дворян. Как формирование дьяческих семейных династий (случай Кокоревых), так и возможность потомков дьяка влиться в состав служилых землевладельцев (случай Язвцовых) – тенденции, хорошо известные по материалам Великого княжества Московского и уделов [2, с. 133-146, 209-211; 5, с. 284-285].

Анализ упоминаний дьяков важен в свете проблемы преемственности службы на завершающем этапе самостоятельности княжества. В историографии нет ясности по вопросу о том, являлись ли великие княгини Анна (после смерти Ивана Васильевича) и Аграфена (после смерти Анны) полновластными правительницами всей территории княжества или располагали суверенными правами только на территориях своих «волостей». Между тем, можно заметить, что княгини последовательно становились адресатами службы членов великокняжеского двора – как бояр, так и дьяков. Остановимся здесь только на интересующей нас социальной группе. Тимофей Осеев фигурирует сначала как дьяк великих князей Василия Ивановича и Ивана Васильевича, а затем (в январе 1501 г.) – великой княгини Анны [9, с. 388]. Михайло Язвец Мелентьев сначала был дьяком Анны (жалованная грамота 1 апреля 1501 г. [9, с. 383]), затем – Аграфены (докладная кабала около 29 июня 1501 г., жалованная грамота 1504 г. [9, с. 384, 389]) и, наконец, великого князя Ивана Ивановича (две докладные кабалы 1518/19 г. [9, с. 394-395, 400]). Андрей Федоров сын Слунин в 1513/14 г. подписал грамоту Аграфены, а впоследствии неоднократно упоминается в качестве дьяка Ивана Ивановича [9, с. 395-398]. Таким образом, в Рязанском княжестве происходила последовательная смена правителей, которая не сказывалась на составе великокняжеской канцелярии⁹.

Подведем итоги и обозначим некоторые контексты сделанных выводов. Рязанские дьяки впервые появляются в источниках периода правления великого князя Ивана Федоровича (1427–1456). К началу XVI века сформировалась практика систематической дьяческой заверки княжеских актов. Несмотря на неоднократно отмеченную исследователями «архаичность» формуляров рязанской

⁹ О значимости преемственности дьяческой службы и тенденции к «автономизации» сферы управления (см.: [6, с. 509]).

документации, в этом отношении местное делопроизводство демонстрировало быструю эволюцию. Такое развитие можно, следуя логике Ю.Г. Алексеева, представить как результат заимствования «московского новшества»¹⁰ [1, с. 77-78]. Однако рязанские акты сохранили значительное своеобразие – в частности, появление дьяческой заверки не предполагало здесь умаления роли бояр, как это произошло в Москве.

Допустима и другая объяснительная модель. Составление дьяками княжеских документов, а затем – дьяческая заверка развивались в разных регионах в силу внутренней логики зарождавшихся канцелярий. Некоторые свидетельства схожих тенденций можно найти и на других территориях, не подвергавшихся непосредственному московскому влиянию. Так, один из ярославских княжеских актов содержит формулу о составлении дьяком, сходную с рязанскими документами XV века: «А грамоту писал князь Александр дьяк Филат» [9, с. 246]. В независимой Твери (местные дьяки начинают упоминаться в источниках в одно время с рязанскими), возможно, зародилась практика дьяческой заверки, но она не успела вполне оформиться

¹⁰ В этой связи обратим внимание на рязанскую правую грамоту, которая была выдана во время малолетства великого князя и формального управления Василия II – то есть в период, когда московское влияние могло быть непосредственным и наиболее значительным. Этот документ не заверен, но, как и ранее, составлен дьяком [12, с. 69].

ся¹¹. Представляется, что рост значения дьяческого аппарата – общий процесс для русских княжеств XV века, однако он мог протекать с разными темпами.

Безусловно, скромная численность рязанской канцелярии, которую составляли одновременно не более трех–четырёх дьяков, не сопоставима с московскими реалиями. Уже за время правления Василия II известны 14 дьяков [2, с. 88] – столько же можно найти в рязанских актах за почти столетие¹². Однако такое количественное расхождение не означает качественного разрыва. Рязанские великокняжеские дьяки едва ли имели что-то общее со слугами несвободного статуса, которые писали духовные грамоты московских князей в предыдущем веке [2, с. 82; 19, с. 341]. Они были людьми той же эпохи, что и дельцы Василия II и Ивана III – лично свободными канцеляристами-профессионалами, деятельность которых более не ограничивалась обслуживанием персоны конкретного правителя.

¹¹ Ю.Г. Алексеев полагал, что в Твери практика дьяческой заверки отсутствовала [1, с. 78]. Между тем, известна тверская докладная кабала 1482 г., заверенная дьяком. Она дошла в списке XVIII века, поэтому возможны искажения [9, с. 174]. О тверских дьяках см.: [26].

¹² Гораздо более близкие цифры обнаруживаются при обращении к канцеляриям удельных князей московского княжеского дома XV – начала XVI века, и здесь можно найти поле для сравнения [2, с. 189-191; 3, с. 115-135].

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.
2. Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2016.
3. Грязнов А.Л. Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда, 2019.
4. Грязнов А.Л. Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ // Вестник Альянс-Архео. 2017. № 18. С. 31-84.
5. Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. 1971. Т. 87. С. 219-286.
6. Кром М.М. Вдовствующее царство. Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.
7. Пономарева И.Г. Великокняжеская канцелярия при Василии Темном (Поименный список) // Археографический ежегодник за 2006 г. М., 2011. С. 118-142.
8. Флоря Б.Н. Особенности отношений великокняжеской власти с церковными и светскими землевладельцами на территории Рязанской земли (конец XIV – начало XVI века) // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 5-13.
9. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1964. Т. 3.
10. Беликов В.Ю., Сметанина С.И. Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. // Советские архивы. 1991. № 5. С. 92-94.

11. Голубцов И.А., Назаров В.Д. Акты XV – начала XVI века // Советские архивы. 1970. № 5. С. 74-89.
12. Кротов М.Г., Сметанина С.И. Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в. // Советские архивы. 1987. № 1. С. 66-69.
13. Морозов Б.Н. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 298-309.
14. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / под ред. С.И. Коткова. М., 1978.
15. Сметанина С.И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 247-295.
16. Бычкова М.Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2013.
17. Сметанина С.И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. Вып. 6. М., 1995. С. 49-80.
18. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
19. Водов В.А. Зарождение канцелярии московских великих князей (сер. XIV в. – 1425 г.) // Исторические записки. 1979. № 103. С. 325-350.
20. Каишанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014.
21. Валк С.И. Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 113-132.
22. Колычева Е.И. Полные и докладные грамоты XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 41-81.
23. Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). М., 1971.
24. Рыкова О.В. Н.П. Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. 1993. № 1. С. 87-92.
25. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
26. Штыков Н.В. Аппарат управления тверских князей в XV в // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 3/2. С. 315-321.

References

1. Alekseev Y.G. *U kormila Rossiyskogo gosudarstva: Ocherk razvitiya apparata upravleniya XIV–XV vv.* [At the Helm of the Russian State: An Outline of the Management Personnel Development 14th–15th Centuries]. St. Petersburg, 1998. (In Russian).
2. Savosichev A.Y. *D'yaki i pod'yachiye XIV–XVI vekov: proiskhozhdeniye i sotsial'nyye svyazi: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Clerks and Minor Clerks of the 14th–16th Centuries: Origins and Social Ties. Dr. hist. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2016. (In Russian).
3. Gryaznov A.L. *Belozerskiye akty XIV–XVI vv. Issledovaniye i perechen'* [Belozersky Acts of the 14–16th Centuries: Research and Enumeration]. Vologda, 2019. (In Russian).
4. Gryaznov A.L. D'yacheskiye monogrammy na aktakh iz fonda GKE [Clerks' monograms on acts from the funds of GKE]. *Vestnik Al'yans-Arheo* [Herald Alliance-Archeo], 2017, vol. 18, pp. 31-84. (In Russian).
5. Zimin A.A. D'yacheskiy apparat v Rossii vtoroy poloviny XV – pervoy treti XVI v. [Clerk's apparatus in Russia in second half 15th – first third of the 16th Centuries]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes], 1971, vol. 87, pp. 219-286. (In Russian).
6. Krom M.M. *Vdovstvuyushcheye tsarstvo: Politicheskiy krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [The Widowed Kingdom: The Political Crisis in Russia during the 30–40s of 16th Century]. Moscow, 2010. (In Russian).
7. Ponomareva I.G. Velikoknyazheskaya kantselyariya pri Vasiliu Temnom (Poimennyy spisok) [The chancellery of grand duke in the time of Vasily II of Moscow: (list of the names)]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2006 g.* [Archaeographic Yearbook of 2006]. Moscow, 2011, pp. 118-142. (In Russian).
8. Florya B.N. Osobennosti otnosheniy velikoknyazheskoy vlasti s tserkovnymi i svetskimi zemlevladel'tsami na territorii Ryazanskoj zemli (konets XIV – nachalo XVI veka) [Features of Relations Between the Prince-ly Power and Landowners in the Ryazan land (late 14th – early 16th century)]. *Rus'. Rossiya. Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus. Russia. Middle Ages and the New Age], 2019, no. 6, pp. 5-13. (In Russian).
9. Grekov B.D. (executive ed.). *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v.* [Acts on Social and Economic History of North-East Russia of the End of the 14th – Early of 16th Century]. Moscow, 1964, vol. 3. (In Russian).
10. Belikov V.Y., Smetanina S.I. Akty svetskogo feodal'nogo zemlevladieniya Velikogo knyazhestva Ryazanskogo XV v. [Acts on Feudal Land Ownership of 15th Century Grand Duchy of Ryazan]. *Sovetskiye arkhivy* [Soviet Archives], 1991, no. 5. pp. 92-94. (In Russian).

11. Golubtsov I.A., Nazarov V.D. Akty XV – nachala XVI veka [Acts of the 15th – early of the 16th centuries]. *Sovetskiye arkhivy* [Soviet Archives], 1970, no. 5, pp. 74-89. (In Russian).
12. Krotov M.G., Smetanina S.I. Istochniki po istorii feodal'nogo zemlevladieniya Velikogo knyazhestva Ryazanskogo v XV v. [Sources on the feudal land ownership of Grand Duchy of Ryazan in 15th century]. *Sovetskiye arkhivy* [Soviet Archives], 1987, no. 1, pp. 66-69. (In Russian).
13. Morozov B.N. Gramoty XIV–XVI vv. iz kopiynoy knigi Ryazanskogo arkhivereyskogo doma [Charters from the 14th–16th centuries in the copies book of the Bishop of Ryazan]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1987 god* [Archaeographic Yearbook of 1987]. Moscow, 1988, pp. 298-309. (In Russian).
14. Kotkov S.I. (ed.). *Pamyatniki russkoy pis'mennosti XV–XVI vv. Ryazanskiy kray* [Monuments of Russian Writing of the 15th – 16th Centuries. Ryazan Region]. Moscow, 1978. (In Russian).
15. Smetanina S.I. Votchinnyye arkhivy ryazanskikh dukhovnykh korporatsiy XIII – nachala XVII veka [Patrimonial archives of Ryazan spiritual corporations of the 13th – early 17th centuries]. *Russkiy diplomatariy. Vyp. 6*. [Russian Diplomat. Issue 6]. Moscow, 2000, pp. 247-295. (In Russian).
16. Bychkova M.E. *Russko-litovskaya znat' XV–XVII vv. Istochnikovedeniye. Genealogiya. Geral'dika* [The Russian-Lithuanian Nobility of the 15th–17th. Centuries. Source Study. Genealogy. Heraldry]. Moscow, 2013. (In Russian).
17. Smetanina S.I. Ryazanskiye feodaly i prisoyedineniye Ryazanskogo knyazhestva k Russkomu gosudarstvu [Ryazan feudal lords and the annexation of the Ryazan Duchy to the Russian State]. *Arkhiv russkoy istorii. Vol. 6* [Russian Diplomat. Issue 6]. Moscow, 1995, pp. 49-80. (In Russian).
18. Veselovskiy S.B. *D'yaki i pod'yachiye XV–XVII vv.* [Clerks and Minor clerks of 15th–17th Centuries]. Moscow, 1975. (In Russian).
19. Vodov V.A. Zarozhdeniye kantselyarii moskovskikh velikikh knyazey (seredina XIV v. – 1425 g.) [The origin of the chancellery of the Moscow grand dukes (middle of 14th century – 1425)]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 1979, no. 103, pp. 325-350. (In Russian).
20. Kashtanov S.M. *Issledovaniya po istorii knyazheskikh kantselyariy srednevekovoy Rusi* [Researches on the History of the Chancellery in the Medieval Rus]. Moscow, 2014. (In Russian).
21. Valk S.I. Gramoty polnye [Full Charters]. *Sbornik statey po russkoy istorii, posvyashchennykh S.F. Platonovu* [Collection of Articles on Russian History Dedicated to S.F. Platonov]. Petrograd, 1922, pp. 113-132. (In Russian).
22. Kolycheva E.I. Polnyye i dokladnyye gramoty XV–XVI vv. [Full Charters of the 15th–16th Centuries]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1961 god* [Archaeographic Yearbook of 1961]. Moscow, 1962, pp. 41-81. (In Russian).
23. Kolycheva E.I. *Kholopstvo i krepostnichestvo (konets XV – XVI v.)* [Slavery and Serfdom (Late 15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1971. (In Russian).
24. Rykova O.V. N.P. Chulkov i ego genealogicheskiy doklad [N.P. Chulkov and his genealogical report]. *Istoricheskaya genealogiya* [Historical Genealogy], 1993, no. 1, pp. 87-92. (In Russian).
25. Veselovskiy S.B. *Onomastikon. Drevnerusskiye imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow, 1974. (In Russian).
26. Shtykov N.V. Apparat upravleniya tverskikh knyazey v XV v. [The machinery of Government of Tver Princes in 15th Century]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, no. 3/2, pp. 315-321. (In Russian).

Информация об авторе

Кирпичников Иван Алексеевич, аспирант, кафедра истории России до начала XIX века Исторического факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: ivkirs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0965-9541>

Поступила в редакцию 22.11.2019 г.
Поступила после рецензирования 19.12.2019 г.
Принята к публикации 20.01.2020 г.

Information about the author

Ivan A. Kirpichnikov, Post-Graduate Student, Russian History Until the Early of the 19th Century Department of Faculty of History. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: ivkirs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0965-9541>

Received 22 November 2019
Reviewed 19 December 2019
Accepted for press 20 January 2020